

2. Guilbert L. La créativité lexicale / L. Guilbert. – Paris : Larousse, 1975.
3. Guiraud P. Les mots étrangers / P. Guiraud. – [2-ème éd.]. – Paris : PUF, 1971. – 128 p.
4. Molinié G. Le français moderne / G. Molinié. – P. : PUF, 1991. – 128 p.

Иванова Н. А.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР)*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ДИАЛЕКТИЗМОВ И ПРОСТОРЕЧИЙ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РОМАНА М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Художественный перевод представляет собой сложную межкультурную эстетическую коммуникацию, диалог двух культур, отражающий взаимодействие не только различных национальных языковых картин мира, но и художественных моделей мира авторов оригинальных произведений и авторов их переводов. Роль переводчика заключается в интерпретации коммуникативного намерения автора и его передаче современному читателю, своему соотечественнику, отличающемуся от адресата исходного оригинального текста.

Одним из требований, предъявляемых к переводу, в том числе и художественному, является требование эквивалентности текста-оригинала и текста перевода. Для одних ученых наибольшую важность представляет эквивалентность семантическая, т.е. соотносимость с одной и той же ситуацией [1, с. 15], для других – максимально идентичное и полное сохранение в тексте перевода жанрового своеобразия подлинника и информации, содержащейся в тексте оригинала [2, с. 23]. Однако, большинство теоретиков и практиков перевода сходятся во мнении, что сохранение стиля – требование весьма проблематичное и неосуществимое в полной мере, поэтому следует сохранять не формальные черты подлинника, а смысловые и эстетические качества, так как опыт, объем знаний читателя оригинала отличается от опыта и объема знаний читателя перевода.

В романе «Тихий Дон» на примере жизни донского казака Григория Мелехова, исковерканной революцией и гражданской войной, М. А. Шолохов изобразил трагические сломы человеческой судьбы, втянутой в водоворот истории. Язык этого произведения самобытен и уникален. Детально воспроизведенный быт, красочное описание донской природы, меткая образная речь позволяют читателю полностью ощутить казачий уклад жизни, понять традиции, которые издревле определяли жизнь казака. Первое, что привлекает внимание, – это диалектная лексика и просторечие, которые используются не только для обозначения бытовых реалий, описания военных и свадебных обрядов, но и присутствуют в репликах персонажей и авторских описаниях.

Наличие или отсутствие диалектизмов в авторской речи зависит от содержания повествования: там, где М. Шолохов повествует о казаках, где общение автора прерывается диалогами или монологами персонажей-казаков, передающими особенности народного говора, – там диалектизмы используются и в авторской речи. Если же действующими лицами являются русские рабочие, солдаты, офицеры, генералы, то в речи персонажей нет и не может быть диалектизмов, поэтому их нет и в авторской речи.

Просторечие, которое является предметом нашего исследования, – это одна из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком. От территориальных диалектов просторечие отличается тем, что не локализовано в тех или иных географических рамках, а от литературного языка – своей не кодифицированностью, а нормативностью, смешанным характером используемых языковых средств.

В романе М. А. Шолохова «Тихий Дон» просторечные элементы использованы в самом широком диапазоне от грамматических и лексических неточностей и искаженности произношения слов до сленгизмов, вульгаризмов и жаргонизмов.

При обращении к родителям главные герои произведения, Григорий, Петр и Дуняша Мелеховы, используют просторечия маманя и батя (батяня). В английском переводе романа эти лексические единицы заменены нейтральными аналогами *mother* и *father*, хотя, на наш взгляд, в качестве эквивалента возможно употребление разговорных форм *mom* (*mummy*) и *dad* (*daddy*):

– А приваду, маманя, сварили? – сипло спросил он, выходя за отцом в сенцы. – *Mother, have you boiled the bait? – he asked hoarsely, as he followed his father into the porch;* – Доисть гнедой – попоите его, батя. – *When he's done eating, water him, father.*

Насыщенным просторечной лексикой является следующий пример:

– За что, батяня? – За дело, су-у-укин сын! Не пакости соседу, не страми отца, не таскайся, кобелина. – *What's that for, father? – For your goings-on, you son of a bitch! Don't wrong your neighbour! Don't shame your father! Don't run after women, you young buck!*

Вульгаризм *сукин сын* в английском переводе имеет прямой эквивалент *son of a bitch*, что дает возможность читателю ощутить весь гнев и презрение Пантелея Прокофьевича, охватившие его в данной ситуации по отношению к своему сыну Григорию и его неподобающему поведению. Что касается лексической единицы *кобелина*, употребленной с отрицательной коннотацией в значении «похотливый мужчина, сластолюбец», в английском варианте имеем *young buck* «молодой самец животного». На наш взгляд, сленговое выражение *hound dog* «бабник, гуляка, распутник» является более точным и более колоритным эквивалентом.

Таким образом, при передаче просторечия и диалектной лексики на английский язык переводчик, в основном, прибегает к приему нейтрализации, реже – к использованию лексических и морфосинтаксических элементов сниженного стиля (просторечий, сленгизмов, разговорно-фамильярных форм), а также к описательному переводу. В результате этого можно сделать

вывод о том, что англоязычный перевод в полной мере не передает идейно-художественное содержание романа, а стиль М. А. Шолохова, плавный при повествовании, роскошный при описании пейзажей и ритмичный при зарисовке боевых действий, как и его язык повествования, пронизанный любовью к родной земле, наполненный казачьей лексикой, вульгаризмами и варваризмами, встречающимися в диалогах и в описаниях героев, остаются нераскрытыми и непонятными для англоязычного читателя.

Литература

1. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского на русский / Е. В. Бреус. – М. : Флинта, 2001. – 241 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В. С. Виноградов. – М. : Издательство института общего и среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

Ищенко Е. Н.

*(ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков»,
г. Горловка, ДНР)*

Научный руководитель: канд. филос. наук, доц. Рочняк Е. В.

ИЗМЕНЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СТРАТЕГИЯХ, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ КОГНИТИВНОЙ НАУКОЙ

Современный этап развития когнитивной науки называют нейросетевым или коннекционистским. Исследование познания здесь не сводится к тому, что происходит в мозгу, а включает постоянное взаимодействие организма и его окружения. Когнитивная система рассматривается как включающая в себя мозг, тело, внешнее окружение. Сознание ни в коей мере не отождествляется с мозгом, а когнитивные процессы понимаются не как изолированные процессы внутри носителя, а как результат взаимодействия системы и среды. Один из тех, кто развивает этот подход, – Д. Деннет. Он характеризует сознание как сложный феномен, формирующийся на стыках, создаваемых «переливами» природного и культурного. Сознание не сводится к анатомии или нейрофизиологии мозга, это «функциональный процесс или операция с когнитивной информацией» [1, с. 127].

В отличие от утвердившихся в классическом научном мировоззрении дуальных представлений, мир един, а не раздвоен на природное и ментальное (протяженность и мышление). В мире действует единая система связей и, как утверждает Д. Деннет (и это пример коннекционистского подхода когнитивной науки), сознание и самость должны быть объяснены в рамках последовательной объективистской методологии. Подобную мысль высказывал К. Поппер, отметив, что мы понимаем потому, что когнитивный порядок как бы привит нашему разуму.